

1 марта 1972

(После долгого созерцания.)

У меня ощущение, что я должна была тебе что-то сказать; в прошлый раз было то же самое – как только ты ушёл, я вспомнила. А затем снова ушло. Не знаю, почему.

U

4 марта 1972

(У Матери простуда. В течение получаса она остаётся в созерцании.)

Ничего не скажешь?

А ты, милая Мать, как ты?

У меня жар.

Вчера, это уж чересчур, мне пришлось встретиться с двумястами людьми.

Да, это слишком.

Это сумасшествие.

(Мать снова погружается)

Ничего?

А ты ничего не скажешь?

(Мать качает головой)

Который час?

Без десяти одиннадцать, милая Мать.

Хочешь остаться ещё на десять минут?

Да, милая Мать, с радостью!

Я тоже этого хочу. Когда я остаюсь в покое, вот так, всё в порядке.

(Мать погружается)

U

8 марта 1972

(Мать протягивает цветок Трансформации.)

Кому?

(она ищет ещё один, чтобы дать каждому по цветку)

Миллион рупий сгорели в Ауровиле!

Миллион!

Да. Машинный цех и рядом с ним *godown* [склад] с запасами, уфф!

Вот как, словно это настоящий Приказ: идите прямо или всё будет плохо.

Это стало ужасным. В Ауровиле умер ещё один ребёнок (малыш полутора лет), потому что его родители не занимали верную позицию. Он умер совсем недавно. И всё вот так. Это становится совсем ужасным. Это как Давление – ужасающее Давление – к желаемому развитию. Я чувствую это на себе, в своём теле. Но у моего тела нет страха, оно говорит (*Мать раскрывает руки*): «Хорошо, если это мой конец, пусть будет конец».

Вот так каждую минуту: истинное... (*Мать обрушивает кулак*) или конец.

Кажется, низошло как раз это – ты помнишь, я говорила, что 21-го что-то низошло (это где-то записано), и однажды мы узнаем, мы скоро узнаем, что это¹. Ты читал?

Да, это было 21 февраля.

Да, вот так. Нечто вроде... «Никаких полумер, никаких компромиссов, никакой приблизительности, никакой...», ничего: вот так (*Мать обрушивает кулак*).

И так и для тела. Каждую минуту настоящее требование: жизнь или смерть. Никакой приблизительности... ведь в течение веков никогда не было абсолютно плохо или абсолютно хорошо – больше не так.

Тело знает, что необходимо для формирования супраментального тела: надо быть ПОЛНОСТЬЮ под Влиянием Божественного – никаких компромиссов, никаких «приблизительно», никаких «это придёт», нет: вот так (*Мать обрушивает кулак*), ужасающая Воля.

И... это единственный способ, чтобы всё шло быстро.

(молчание)

В том цехе не должно было быть никого; он ещё не был открыт; но когда мне об этом сказали, у меня возникло ощущение, что там кто-то сгорел – я ничего никому не сказала, потому что... Конечно, это только видение, но...

Все механизмы, все запасы, всё сгорело-сгорело-сгорело.

Из-за неверной позиции людей?

Да. Ох! они все сейчас друг с другом спорят. И ещё есть умышленное неподчинение, они не признают никакого авторитета.

(долгое молчание)

Но когда начинаешь практически понимать необходимость трансформации – когда это действительно начинает усваиваться, и ты пытаешься что-то делать, то после того, как материальная субстанция получает удар, она это помнит: в течение одного-двух дней она стремится, ищет; а затем... расслабляется.

Да, да.

¹ (Записка 21 февраля:) «Весь день 21-го у меня было сильное ощущение, что это был день рождения всех людей и меня подталкивало сказать каждому: с днём рождения. Было очень сильное впечатление, что в мире проявляется нечто новое, и все, кто готовы и восприимчивы, могут воплотить это. Несомненно, через несколько дней мы узнаем, что это было».

Это как неспособность к напряжению.

Это не от неспособности.

Что же это?

Дурная воля. Эгоизм (то, что мы называем эгоизмом), эгоизм Материи.

Эгоизм Материи...

...который не хочет подчиняться.

Да, я знаю это. Я всё время ловлю своё тело то на том, то на этом... Ему хочется потихоньку делать своё дело обычным образом.

Это некоторого рода ослабление стремления или напряжения.

Да, верно.

Тогда что же делать? Всякий раз хватать его или что?

Да. Но это из-за того, что тело не может стабильно держаться, пока оно **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** не настроено на Божественное. Если оно вот так (*жест: кулаки хватаются вверху словно за верёвку*), тогда в критический момент всё автоматически идёт хорошо. Всё идёт как надо. Словно всё время находишься между жизнью и смертью, и с той минуты, когда занимаешь верную позицию – когда **СООТВЕТСТВУЮЩАЯ ЧАСТЬ** занимает верную позицию – всё в порядке. Совершенно естественно и легко всё идёт хорошо. Это необычайно. Но это и чудовищно, потому что это означает вечную опасность. Ведь, я не знаю, возможно, сто раз за день это ощущение: жизнь или... (для клеток, конечно), жизнь или распад. И тогда, если они съёживаются, как они привыкли делать, всё оборачивается плохо. Но они учатся... (*Мать раскрывает руки в жесте сдачи*), и тогда всё в порядке.

Словно на тело возложено обязательство учиться вечности. Это действительно интересно. И тогда я вижу внешние обстоятельства: это становится **УЖАСНЫМ** (с обычной точки зрения).

(Мать входит в состояние созерцания)

Что скажешь?

Трудность, с которой я сталкиваюсь, состоит в том, чтобы сохранять эту стабильность.

Да.

*Мне это очень трудно. Так что пытаешься раз, десять раз ухватиться, но кажется, что это не то, что надо делать, что нужно нечто другое и... действительно, если нет той высшей Силы, которая делает это **ДЛЯ ВАС**, то это безнадежно.*

Да, это так. Но у меня много переживаний – сотни переживаний – говорящих о том, что как только занимаешь верную позицию, это **СДЕЛАНО**.

МЫ сами препятствует тому, чтобы это было сделано. Словно наш контроль препятствует действию Силы (нечто подобное). Надо... (*Мать раскрывает руки*).

(молчание)

Я думаю, думаю, это именно подсознательное убеждено, что если не контролировать, то всё пойдёт плохо. Такое ощущение. Это оно, оно говорит: «Ох! Следует быть начеку, следует быть внимательным²...»

*(Мать раскрывает руки
и позфужается)*

U

10 марта 1972

(Беседа с архитектором Ауровиля. Он просит денег на «противопожарные мероприятия» в связи с недавним «несчастливым случаем».)

Денег уже не хватает ни здесь, ни там... Ведь в умах людей это одно и то же [Ауровиль и Ашрам], так что они теперь не знают, куда давать.

Немало денег тратится впустую – некоторые люди даже не знают, что с ними делать! Сколько нужно для обеспечения безопасности Ауровиля?

(Архитектор:) Надо бы подсчитать, милая Мать. Думаю, что, может быть (на колодцы и пожарные рукава), может быть, одну-две сотни тысяч рупий для всего Ауровиля. Но это на ближайшее время, а надо бы ещё подумать и о будущем: как мы собираемся развивать Ауровиль? При нынешних обстоятельствах вопрос, главным образом, в том, не стоит ли уже сегодня призвать добровольцев на поиски денег, попытаться поспрашивать денег в мире, чтобы отдельные люди делали свои вклады в рупиях, франках или долларах, так чтобы Ауровиль строился отдельными людьми. Может быть, в этом ключе, нужно предпринять уже сейчас какое-то действие в Индии и других странах? Ведь финансовое положение Ауровиля ухудшается – оно хуже, чем полгода назад, и нужда в деньгах всё возрастает, так что... Я не знаю, может быть, надо подождать какого-то решения, но я довёл ситуацию до вашего сведения.

(после долгого молчания)

Что можно было бы сделать? У тебя есть идеи?

L [индийский промышленник] уже давно высказывал одну идею, и я хотел бы поговорить с ним об этом. Суть в том, чтобы заинтересовать отдельных людей участвовать в строительстве Ауровиля. Я не знаю, какова в точности финансовая ситуация в Индии...

Но финансовая ситуация в Индии ОЧЕНЬ плохая. Ведь обычно много денег шло из Америки, а сейчас этот поток почти прекратился. Индия в очень плохом состоянии – она стала бедной, вот что досадно. В ином случае можно было бы попросить, но сейчас они сами испытывают трудности.

Может быть, другие страны готовы помочь?

Да, конечно!

Германия может помочь и, возможно, США. Только всё это, милая Мать, надо делать централизованно, а не разрозненно.

Да-да!

² Существует запись этой беседы.

Следует попытаться.

Если только мне дадут план. Я никогда не занималась подобными делами, но если бы был приемлемый план, я могла бы над ним поработать. Но я не знаю, что делать.

Я сразу же поговорю с N, милая Мать, посмотрю, что он думает. Возможно, уже сегодня мы что-то предложим, придём к какому-то решению – оставить всё, как есть, такое решение мне кажется возможным, но опасным.

Опасно.

Думаю, надо что-то делать. Но я не говорю, потому что не знаю – я не знаю, что практически нужно сделать.

В течение многих лет мне достаточно было приложить некоторое давление, чтобы получить деньги - и они у меня были. Но это касалось только Ашрама. Сейчас у Ашрама нет того, что нужно, и сколько бы я ни давила, ничего не выходит – люди не знают, кому давать: есть то-то и то-то, а ещё вон то и то... они уже не понимают!

Дайте мне план, и я над ним поработаю.

Всё слишком разрозненно, милая Мать.

Да-да!

Больше не знаешь, где находишься: есть «Sri Aurobindo Society» [«Общество Шри Ауробиндо»], «Sri Aurobindo's Action» [«Действие Шри Ауробиндо»], «Шри Ауробиндо такой-то...» Так что всё разрознено.

Да, но когда говоришь им это – особенно если сказать такое N («Sri Aurobindo Society»), то он ответит: «О! хорошо, это “Sri Aurobindo's Action” [организация U] должно исчезнуть». И каждый заявляет: моя организация должна остаться!... Это не решение.

Решение в том, чтобы все объединились, милая Мать: единство.

Да-да-да – совершенно верно.

Вместо того, чтобы объединиться (и каждый занял бы своё место в гармоничном единстве), вместо этого каждый тянет в свою сторону. Так что, главным образом, им надо сделать моральное продвижение.

Ты правильно указал на это: отсутствие единства является причиной всех трудностей.

И даже Ашрам сейчас охвачен этим: каждая служба считает себя отдельной единицей. Но поскольку больше нет сплочённости, то и дело не идёт! Вот так.

И я больше не могу ходить с места на место, оказывать сильное воздействие; я больше не могу, я остаюсь здесь.

Вот что: если бы ты мог (ты уловил суть), если бы ты мог составить план действий, то мы посмотрели бы. Это то, что нужно; надо скоординировать усилия и объединить всех.

С самого начала не было единства, и я не могла действовать, как раньше. Мне бесполезно говорить им: вы здесь не для того, чтобы представлять самих себя: единое, вы составляете единое – не понимают! И вот вам (*смеясь*) результат: N заболел, а U плохо себя чувствует – вот так.

В сущности, всё всегда сводится к этому: необходим БОЛЬШОЙ индивидуальный прогресс, серьёзный и искренний, и тогда всё идёт очень хорошо.

Атмосфера нарушена, в ней больше нет былой сплоченности.

Но если ты хочешь сотрудничать, это было бы чудесно, ты знаешь! Мне нужен кто-то, кто мог бы везде ходить, смотреть, замечать и разговаривать с людьми – восстанавливать единство на более высоком уровне. Это была бы чудесная работа! чудесная.

И как только это будет сделано, всё облегчится. Дело не в том, что не хватает денег, а в том, что они тратятся впустую, разрозненно.

Ведь N хочет расширять и расширять *Sri Aurobindo Society* [«Общество Шри Ауробиндо»], и он купил недвижимости на сотни тысяч рупий, так что эти деньги ушли на это, вместо того, чтобы идти на общую работу³... Я говорила ему об этом, но он не понял. И вот, как результат, сегодня он заболел.

Вот так.

Успех несомненен, но при условии – при ОДНОМ условии – что мы объединимся. Мы, так сказать, проповедуем единство мира – от нас, естественно, требуется, чтобы мы, по крайней мере, подавали пример этого!

А мы даём пример всего того, чего делать не следует.

Когда приходят люди, им говорят: «Вот, мы хотим единства мира» - МЫ, мы спорим друг с другом, но настаиваем на единстве мира. Это смешотворно! Это смешно. Мы даже сами не можем ОБЪЕДИНИТЬСЯ для того, что мы хотим сделать.

И когда я им это говорю, они не понимают.

Ты хочешь мне помочь?

Да, милая Мать.

Хорошо. Ты хочешь работать вместе?

Да, милая Мать.

Хорошо.

Я готов поговорить с N, милая Мать, если вы позволите.

Да, поговори с N, ему это будет полезно.

И я поговорю с ним по-братски, милая Мать, и очень искренне, потому что мне многое нужно ему сказать.

Хорошо, хорошо.

Если он начнёт раздражаться, скажи ему: «Что же, идите поговорите с Матерью». Тогда...

Я попытаюсь поговорить сначала с N, это труднее. А потом поговорю с U.

U очень смыслённый, так что он знает, как лучше всего ответить тебе! (Мать смеётся)

Я уже говорил с U, милая Мать, я знаю, как он отвечает.

Но U начинает меняться, потому что он очень понятливый, так что он понял, что надо меняться.

Я с тобой.

*
* *

(Архитектор уходит. Затем входит R, один ученик родом из Америки).

³ N вскоре объявит себя «собственником» Ауровиля. Все купленные им земли будут приписаны «Обществу», а не Ауровилю. Это уже начало мошенничества.

Я могла бы сказать так: развитие или смерть. Необходимо, совершенно необходимо, чтобы все развивались, делали необходимый прогресс, а иначе... (*жест распада*).

Этот пожар очень символичен – полагаю, ты слышал об этом: был ужасный пожар?

(R.): Да, да. *And I wanted to know what is the symbolic significance [И я хотел бы знать, в чём его символическое значение].*

Ты понимаешь, мы проповедуем Единство, говорим, что человечество должно быть единым, что все наши усилия должны быть направлены на общий прогресс, к приходу Супрамента... но каждый тянет, как может, в свою сторону. Вот так.

Поэтому мне хотелось сказать вам: «Поступайте согласно тому, что говорите сами, или вы перестанете существовать».

Не имеешь никакого права проповедовать единство в мире, когда сам подаёшь пример большого разделения... Вот так. Это просто, это настолько просто, что и ребёнок может понять это – а они не понимают.

Что касается меня, сила сознания всё нарастает; физическая сила пока – я говорю «пока» – пока сведена почти к нулю. Я вынуждена оставаться здесь, ничем не заниматься, довольствоваться встречами с людьми – вот так. И потому мне нужны люди, которые делали бы активную работу, которую я делала прежде и которую не могу больше делать... (*Мать с трудом дышит*). Я не могу говорить с той силой, какая была прежде – физическое сейчас претерпевает трансформацию. Впрочем, сам Шри Ауробиндо не без основания говорил (потому что он знал, что один из нас должен уйти, и я вызвалась уйти), тогда он сказал: «Нет, твоё тело способно выдержать это, оно *has the strength* [оно имеет силу] претерпеть трансформацию». - Это непросто. Я могу сказать, что это нелегко. И у моего тела есть добрая воля, у него действительно добрая воля. Но пока что оно... поистине, уже не здесь, но ещё и не там. Переход не лёгок. Так что, я сижу здесь как простая старушка, не в силах делать работу.

Если я выдержу – если я только выдержу – в сто лет произойдёт улучшение. Я знаю это, я полностью убеждена, что произойдёт возобновление энергий. Но надо выдержать... Вот так.

(*молчание*)

Итак, сейчас не хватает денег. Не хватает денег, потому что они разбросаны. Люди не знают, кому их давать, так что они больше не дают: «Принести ли их сюда или туда или...?». Они больше не дают.

(*молчание*)

затем Мать начинает говорить по-английски

Я могу видеть, я действительно видела, что если я уйду, то у меня здесь никого не будет, это будет нашим разрушением.

(R.): *O! полный крах, ничего.*

Так что, если работа должна быть сделана, если Ауровиль должен быть построен, то необходимо, чтобы не только я оставалась в теле, но чтобы и тело стало сильным.

Я знаю. Я знаю это. Всё зависит от Божественной Воли – Он не говорит мне о ней! Когда я спрашиваю Его, мне кажется (раз или два в трудные моменты я задавала Ему вопрос, касающийся этого тела), и тогда (*смеясь*), кажется, что я вижу улыбку, ты знаешь, улыбку, большую как мир, но без ответа.

Я ещё вижу эту улыбку: «Не пытайся узнать, время ещё не пришло».

(*бьют часы*)

Если бы мы умели всегда оставаться в истинном сознании, это была бы... улыбка. Но у нас есть склонность превращать всё в трагедию. Это наша слабость.

Драму создаёт наша ограниченность. Мы слишком малы – слишком малы и недалёковидны. Но... Сознание знает – оно знает⁴.

U

11 марта 1972

Я получил письмо от P.L. Вот что он пишет:

«...Как вы, возможно, знаете, Кардинал Тиссеран умер 21-го [февраля]. Учитывая, что он был помощником Папы, вы можете представить себе помпезность его похорон: присутствовали представители французского правительства, Французской Академии, итальянского правительства и т.д. Целая неделя церемоний. Будучи его секретарём, я должен был заниматься всем. Я очень устал... Его уход принёс страдание Монсиньору R. Я думаю, что он приедет к вам через несколько недель, самое большее, месяц: он твёрдо решил выбраться из всего этого. Многого произошло после его встречи с Матерью⁵... Разбирая бумаги, я наткнулся на прилагаемый документ, который может вас заинтересовать: надеюсь, что епископ оставил вас в покое...»

Это копия письма Кардинала Тиссерана к архиепископу Пондичери:

Альбано, Regina Apostolorum, 13 января 1972

Его Превосходительству Монсиньору А.Р.

Архиепископу Пондичери

Досточтимый синьор,

Как известно Вашему Превосходительству, в течение 25 лет я возглавлял Святой Приход Восточной Церкви, и одно из моих самых дорогих воспоминаний связано с моим приездом в вашу дорогую мне страну в 1953-м. Я всегда остро интересовался вашей великой нацией, но мой интерес ещё больше усилился после близкого с ней знакомства. Так что с особым удовольствием я сопровождал Его Святейшество Папу Павла VI во время его участия в Международном Евхаристическом Конгрессе в Бомбее.

По этому случаю, Ваше Превосходительство, Святой Отец изъявлял желание связаться с представителями основных религиозных движений в Вашей стране, и мне известно, что ему была передана биография Шри Ауробиндо.

И как раз по поводу Ашрама Шри Ауробиндо в Пондичери я позволил себе написать Вашему Превосходительству. Я уверен, что Вы наслышаны о репутации, которую он приобрёл за пределами Индии; я много лет следил за его работой и достижениями. Недавно до меня дошли известия о тех трудностях, с которыми столкнулся Ашрам в связи с предполагаемым созданием университета – его, создание которого настоятельно востребовано Правительством; а католические студенты, к которым присоединяются и некоторые священники, выражают сильное недовольство этим проектом.

Поэтому я прошу Ваше Превосходительство использовать во благо свою власть, чтобы избежать инцидентов, которые, в любом случае, могли бы нанести

⁴ Запись этой беседы осталась в Ашраме, и мы полагаем, что никогда больше её не увидим. Все записи наших бесед с Матерью хранятся у нас, но поскольку эта беседа касалась архитектора Ауровиля и R, в то время мы думали, что будет лучше оставить эту запись у новой помощницы Матери.

⁵ См. беседу 29 января 1972.

серьёзный вред гармонии, столь желаемой его святейшеством Папой Павлом VI в соответствии с правилами, установленными на Вселенском Соборе в Ватикане II.

Со всей моей благодарностью к Вам, Высокочтимый Синьор, прошу принять выражение моего глубокого почтения и преданности.

Подпись: Кардинал Эжен Тиссеран

Это интересно. Кто занял его место?

Я не знаю, преемник ещё не назван.

Но с тех пор они успокоились.

*(Мать погружается,
внезапно появляется Чампаклал, что выводит Мать из её состояния)*

Я была в Италии.

Истории с кардиналами...

U

15 марта 1972

(По поводу беседы 8 марта – «никаких компромиссов, никаких полумер, никаких “это придёт”... такое ощущение, что всё время находишься на грани жизни и смерти...» - мы только что прочли Матери несколько отрывков из этой беседы для следующего номера Бюллетеня.)

Это именно так. И это всё более обостряется, становится всё более сильным. Это верно. Всё время, всё время вот так...

Приём пищи стал проблемой. Но... в определённые моменты, когда занята верная позиция, это так легко!

Это хорошо, то что ты сделал.

Но ты сама сказала об этом, милая Мать! Не я!

*(Мать погружается,
пытается что-то сказать,
затем снова погружается)*

U

17 марта 1972

(Заметка Матери)

Чтобы быть готовым к бессмертию,
сознание тела должно сначала
отождествиться с Вечным Сознанием.

U

18 марта 1972

(Как только ученик входит, Мать осматривает его и говорит довольно категорическим тоном:)

Стало лучше – ведь лучше?

Мне, или...

Да, тебе.

Думаю так, надеюсь.

Да, но я говорю: «Лучше» – я знаю это! *(Мать смеётся)*

Всё в порядке.

Было довольно трудно.

*(Мать подписывает контракт издания
«Синтеза Йоги» во Франции,
молчание)*

Но ты чувствуешь, что лучше вообще или...

Да.

...или что-то конкретное лучше?

Просто лучше.

Начинает появляться радость в теле... Это идёт, всё в порядке.

Ведь я тебе говорила, что всё было вот так *(жест – на грани катастрофы)*, а сейчас это ясно, сейчас мы явно на хорошей стороне. Время от времени *(жест неустойчивости)*, но... явно баланс сместился к лучшему.

Стало гораздо лучше.

(молчание)

И твоя атмосфера гораздо более ясная, гораздо более светлая. Меньше... *(жест: конфликтов)*.

Ты замечаешь это?

*(Мать протягивает бумагу
об ограничениях, связанных с допущением в Ашрам)*

Люди не просят тебя о приходе в Ашрам?

Я никогда не содействую этому.

Посидим спокойно?

(долгая медитация)

Ничего не скажешь?

Я хотел бы, чтобы всё растворилось.

(Мать смеётся и берёт руки ученика)

Это очень ясно. Очень ясно.

(Мать снова погружается, держа наши руки)

U

19 марта 1972

(Заметка Матери)

Эта истина, которую люди тщетно пытались познать, станет достоянием новой расы, расы завтрашнего дня, сверхчеловека.

Жить согласно Истине станет его уделом.

Насколько в наших силах, будем готовить приход Нового Бытия. Разум должен замолчать и уступить место Сознанию Истины – сознанию частностей в гармонии с сознанием всего.

U

22 марта 1972

(В течение трёх дней Мать была «больна»: сильная рвота и т.д. Она говорит с придыханием.)

На этот раз дело серьёзное.

Я не смогла поесть – я не могу есть *(жест рвоты)*.

Тело сведено к минимуму.

Посмотрим. Если оно продержится, будет всё в порядке.

Как раз три ночи тому назад я видел несущуюся гигантскую приливную волну – похоже на цунами, сметающее всё.

Аах!

Когда я вижу такое, то на следующий день, как правило, наступает катастрофа. Но на этот раз катастрофы не было – по-видимому, это свалилось на тебя. Я не знаю... гигантская волна.

(после молчания)

Я не сплю, ты знаешь, а захожу в глубокий покой, и остаётся только сознание тела. Пройшей ночью тело дважды наблюдало всевозможные образы и действия, проявляющие общую несвязность.

И тело оказывалось в ситуациях... Однажды это было здесь, а другой раз – в Японии. И я видела, что это были впечатления в теле, впечатления бытия в неком... Это было не в Ашраме, но однажды в Японии, словно я была в Японии (и это были не воспоминания: это совершенно новые активности, совершенно новые вещи), но это показывало, что меня окружали люди, которые не понимают. И здесь тоже это были люди (это было не в Ашраме, это были совершенно символические вещи и с людьми, у которых больше нет тела), и меня также окружали люди и вещи, которые не понимали. И я увидела, что как раз это были впечатления в теле, и это осложняло ситуацию.

Это не были действительно физические вещи: это было отражением позиции людей и их способа мышления.

(молчание)

Уже с давних пор я прекрасно сознаю, что есть... я вовсе не уверена, что никто не применял чёрную магию.

Ах! но, милая Мать, той же ночью (когда я видел гигантскую волну), я вдруг увидел такую картину: ты лежала, а я был крепко привязан к твоим ногам, и рядом с нами я видел большое чёрное существо, совершенно чёрное, примерно трёхметрового роста, и оно было всё... не могу сказать, что у него была чёрная кожа, он был одет во всё чёрное. И он стоял на чём-то вроде чёрного коврика.

Да. У меня такое же ощущение.

Я не говорю об этом (это выглядит смешно), но у меня ощущение, что кто-то использует против меня чёрную магию. Так что, конечно, единственное, что я делаю, это обволакиваю и окружаю себя Божественным. Но... это создаёт значительные трудности.

Я хотела увидеть тебя, чтобы рассказать об этом. Сейчас трудно говорить... Хочешь спокойно посидеть?

(медитация)

U

24 марта 1972*(Встреча с Суджатой)*

В первый раз, рано утром, я увидела себя: своё тело. Не знаю, было ли это супраментальное тело или... (как сказать?) переходное тело, но у меня было совершенно новое тело, в том смысле, что оно было бесполом: не женщина и не мужчина.

Оно было совершенно белым. Но, возможно, это из-за того, что у меня белая кожа, я не знаю.

Оно было очень тонким (*жест: стройное*): оно было милым. Действительно гармоничная форма.

Такое было в первый раз.

Я совсем не знала, не было никакого представления, как и что это будет, и я увидела – я БЫЛА этим, я стала такой. Тогда я подумала, что стоит сказать об этом Сатпрему, пусть он отметит.

Я не знаю, буду ли я это помнить, вот почему я говорю тебе об этом. Ведь сегодня пятница, и я увижу его только завтра. А вот так я уверена, что это не забудется. Ты расскажешь ему об этом.

Да, милая Мать.

Это было трудно.

Особенно, что касается питания: будет большая разница. Я НАЧАЛА понимать, что это будет, но ещё не знаю достаточно, чтобы суметь описать это – у меня ещё не было переживания, так что я не знаю... Но, вероятно, надо бы принимать то, что не требует переваривания – такое уже существует. Понимаешь, не пища как таковая. Например, современная идея: глюкоза (нечто подобное). Но в этом я не уверена, это лишь впечатление данного момента. Когда у меня будет чёткое видение вещей, я сделаю это.

Но, как бы там ни было, я хотела рассказать тебе об этом⁶.

⁶ Запись этой беседы оставила у себя новая помощница Матери. Там начало происходить что-то странное. Но мы ещё не понимали, что это.

Всё в порядке?... У него тоже?

Да, Мать.

До завтра.

U

25 марта 1972

Ты получил последние ответы Т.Д. [«заметки»]?
Думаю, были одна-две заметки, не помню точно.

Последней была вот эта:

Эта истина, которую люди тщетно пытались познать,
станет достоянием новой расы,
расы завтрашнего дня, сверхчеловека...

Это всё?... Нет ли там чего-то, что можно использовать...

Да-да, конечно, кое-что послужит⁷!

(молчание)

Суджата рассказала мне о твоём переживании на днях, о твоём видении своего тела, переходного тела.

Да, но я БЫЛА вот так. Это была я; я видела себя не в зеркале: я видела себя вот так (*Мать наклоняет голову, чтобы осмотреть своё тело*), я была... я была вот так.

Такое было в первый раз. Думаю, около четырёх часов утра. Это было совершенно естественным – ведь я не смотрела на себя в зеркало, я была настоящей. Я помню только то, что видела (*жест от груди до талии*). На мне была тонкая вуаль, так что я видела только... Совершенно другим был торс, от груди до талии: не мужчина, не женщина.

И это было мило, у меня была очень стройная форма, очень тонкая – очень тонкая, но не худая. И кожа была совсем белой; кожа была как моя. И очень милая форма. Но бесполоя, невозможно сказать – не мужчина и не женщина. Пол исчез.

И здесь тоже (*Мать указывает на грудь*), всего этого: ничего нет. Я не знаю, как сказать. Напоминает то, что есть сейчас, но не было форм (*Мать касается своей груди*), даже не было того, что есть у мужчин. Кожа совсем белая, очень гладкая. Можно сказать, не было живота. Желудок – не было желудка. Всё это было тонким.

Я не обратила особого внимания, потому что была именно этим: это было совершенно естественным. Такое было в первый раз, позавчерашней ночью; а прошлой ночью я не видела ничего. Пока что в первый и последний раз.

Но это было в тонком физическом?

Должно быть, это уже так в тонком физическом.

⁷ Эта заметка станет последней полученной, из тех, что мы должны были получать. Отныне эта ученица, которой Мать отдавала эти заметки, не будет больше передавать их нам. Кажется, странная волна захватывала тех, кто приближался к нашей работе с Матерью; не говоря ни слова, они все, кажется, хотели помешать этой работе. Мы скоро увидим это. Возможно, это начало той «гигантской волны», которую мы видели во сне.

Но тогда как это перейдёт в физическое?

Этого я не знаю... Не знаю.

Я не знаю.

Также было очевидно, что не было ни сложного пищеварения, как сейчас, ни выделения, как сейчас. Всё было уже не так.

Но как это будет?... Очевидно, питание уже другое и отличается всё больше – как глюкоза, например, то, чему не требуется сложное пищеварение. Но как само тело изменит это?... Я не знаю. Не знаю.

Ведь я не осматривала тело, чтобы узнать, как это происходит, поскольку это представлялось совершенно естественным, так что я не могу описать в деталях. Единственно, это не было телом ни женщины, ни мужчины – это ясно. А... *the outline* [очертание], силуэт был почти мой, похожий на мой, когда я была совсем молодой. Это напоминало человеческие формы (*Мать очерчивает в воздухе*): были плечи и талия. Словно воспоминание о форме.

Я вижу это, но... Я видела себя так, словно смотрела на себя, без зеркала. И на мне было нечто вроде вуали, которую я набросила.

Это был мой способ бытия (и для меня в этом нет ничего удивительного), мой естественный способ бытия.

Должно быть, в тонком физическом так.

Да, но загадочным выглядит переход от одного к другому.

Да, как?

Но это та же мистерия, как переход от шимпанзе к человеку.

О! нет, это гораздо значительнее, милая Мать! Гораздо значительнее, ведь, в конце концов, между шимпанзе и человечком не такая уж большая разница.

Но, во внешней видимости, разница была не так уж велика (*Мать очерчивает в воздухе*): были плечи, руки, туловище, талия вот так, ноги. Всё это было таким же. Только...

Да, но я имею в виду, что функционирование тела шимпанзе и человека одинаковое.

Одинаковое.

Конечно! пищеварение, дыхание... тогда как здесь...

Нет, но дыхание должно быть – напротив: плечи широкие (*жест*). Это было важно. Только грудь была ни женской, ни мужской: только напоминание. И затем, всё это – желудок, живот, всё это – было только *outline* [очертание], очень стройная и очень гармоничная форма, но это, несомненно, не имело тех функций, какие есть в нашем теле.

Две отличительные черты – совсем-совсем по-другому – это касается функции воспроизводства, что не представляется возможным в данном случае, и функции питания. Но, совершенно очевидно, сейчас наше питание явно отличается от питания шимпанзе и первых людей. Оно совсем другое. Так что теперь мы должны найти питание, которому бы не требовалось всего этого переваривания... Питание не совсем жидкое, но и не твёрдое. И ещё, что будет со ртом – я не знаю – зубы? Очевидно, не нужно будет жевать, так что зубов больше не будет... Но что-то должно их заменить... Я совсем не знаю, не имею представления, каким было лицо. Но внешне оно не очень отличалось от того, какое оно сейчас.

Очевидно, то, что сильно изменится – и что стало очень важным – это дыхание. Новое существо во многом зависит именно от него.

Да, вероятно, оно напрямую поглощает энергию.

Да. Но ведь, скорее всего, будут промежуточные существа, которые просуществуют недолго, как были промежуточные существа между шимпанзе и человеком.

Но, я не знаю, должно произойти нечто, чего никогда прежде не происходило.

Да.

(молчание)

Иногда возникает такое впечатление, что момент реализации близок.

Да, но как?

Да, как, неизвестно.

Изменится ли это? (Мать указывает на своё тело). Оно должно либо измениться, либо последовать старому обычному процессу распада и нового построения... Я не знаю. Очевидно, жизнь можно значительно продлевать, и тому есть примеры, но... Я не знаю.

Я не знаю.

Несколько раз у меня возникало такое ощущение, что вместо трансформации может произойти как бы конкретизация другого тела.

Аах!... Но как?

Тожe неизвестно. Просто вместо того, чтобы одно стало другим, может произойти так, что другое займёт место этого.

Да, но как?

А как, я не знаю.

(после молчания)

Да, то, чем я была позавчерашней ночью, очевидно, что если бы оно материализовалось... Но как?

Хочешь помедитировать?

(Мать входит в состояние созерцания)

Ничего неизвестно!

Даже забавно, насколько нам НИЧЕГО неизвестно.

(ученик готовится уйти,
подходит Суджата)

(Суджата:) *Милая Мать, ты знаешь, свою поэму «Трансформация» Шри Ауробиндо начал так:*

My breath runs in a subtle rhythmic stream
It fills my members with a might divine⁸...

⁸ «Моё дыхание течёт тонким ритмическим потоком
Оно наполняет мои члены божественной мощью...» (Collected Poems V.161)

Дыхание, да, это важно.

«A might» [мощь]?

«Might», да, Мать⁹.

(Мать гладит подбородок Суджаты)

U

29 марта 1972

Я получил письмо от Y.L., ты помнишь, это та, что приходила в прошлом году задать тебе вопрос от Мальро по поводу Бангладеш – Мальро хотел воевать на стороне Бангладеш. Ты ответила, что он получит ответ на свой вопрос, когда приедет в Индию...

(Мать кивает головой)

...Он так и не приехал в Индию. Он отказался от своего плана действий после встречи с Индирой [в Париже].

A?

Да, поскольку Индия официально заявила о поддержке Бангладеш, он посчитал, что не из-за чего идти гибнуть... на официальной стороне. И вместо Бангладеш отправился в США на встречу с Никсоном.

(Мать недовольна)

Как бы там ни было, Y.L. вбила себе в голову, что Мальро должен участвовать в праздновании столетия Шри Ауробиндо – ты знаешь, уже много лет я пытаюсь привлечь Мальро к мыслям Шри Ауробиндо, в первый раз я ему написал десять или пятнадцать лет тому назад. И вот что мне написала Y.L.:

«...Опять и снова Мальро! В своём последнем письме в конце декабря Вы писали: “Он мог бы быть глашатаем нового мира”. Откликнувшись на приглашение Никсона, он выбрал путь. Ему ещё предстоит обратный путь через Индию и Бангладеш. Этим утром я получила копию Вашей речи на радио Дели. Я сразу же послала её Мальро...»

Да, это моя статья «Шри Ауробиндо и будущее земли». Затем, несколько дней спустя, я получил от Y.L. второе письмо. Она пишет:

«Этим утром я получила ответ, который Вы можете прочесть Матери. Вам судить, что дальше делать. Я не предупредила А. [«Центр изучения трудов Шри Ауробиндо»]. Ваша статья «Шри Ауробиндо и будущее земли» заставила его согласиться...»

Да, Мальро согласен стать членом Комитета по празднованию столетия. Его секретарь послал Y.L. следующий ответ:

*Verrieres-le-Buisson
13 марта 1972*

⁹ Существует запись этой беседы.

...Месье Андре Мальро находится сейчас в зарубежной поездке и вернётся не раньше, чем 15 апреля, но он поручил мне попросить Вас передать Матери, что она может рассчитывать на него во всём, что касается Комитета, и он сочтёт это за честь.

Подпись: S.R.

А! хорошо.
Надо поговорить об этом с А.
Хорошо. Очень хорошо¹⁰.

*
* *

Приложение

Письмо Саттрема, адресованное Андре Мальро семнадцатью годами ранее.

(В интервью шведской прессе Мальро сказал следующее: «Вот уже пятьдесят лет психология восстанавливает демонов в человеке. Таков реальный результат психоанализа. Я думаю, что задачей следующего века для человечества, столкнувшегося с самой ужасной угрозой, будет восстановление богов».)

2 августа 1955

Месье,

Ваш ответ на вопрос шведской газеты, спрашивавшей «действительно ли религии обеспечили условия терпимости и взаимопонимания между людьми» попал в мои руки как раз в то время, когда я начал проводить серию образовательных занятий, касающуюся Вашей работы, в «Международном Университетском Центре» Ашрама Шри Ауробиндо. Это совпадение и давнее знакомство с Вашими работами побудили меня написать Вам, чтобы немного рассказать о другом свидетельствовании – работах Шри Ауробиндо, о которых Вы, несомненно, слышаны, но которые будучи лишь частично переведёнными на французский язык, остаются малоизвестными в Европе.

В работе Шри Ауробиндо я, похоже, нашёл ответ, согласующийся с Вашим и развивающий его дальше – поскольку речь действительно о том, чтобы «восстановить богов в человеке» после того, как в нём были подняты демоны, как Вы верно заметили шведской газете, – а также я вижу в ней ответ на мучающий вопрос, который не перестают ставить перед собой Ваши персонажи, начиная с романа «Королевская дорога» и заканчивая романом «Орешники Альтенбурга». Все они на самом деле ищут эту «глубокую концепцию человека», которая освободит их от смерти и одиночества – это та самая злободневная проблема Запада, для которой Шри Ауробиндо может дать одновременно активное и озаряющее решение. Я также позволил себе послать Вам почтой одну из работ Шри Ауробиндо на английском [в оригинале] – это *The Human Cycle* [«Человеческий Цикл», первоначально изданная под заголовком «Психология Общественного Развития»], в надежде, что Вы ею заинтересуетесь.

Я пишу именно Вам, а не какому-либо другому современному писателю, поскольку мне кажется, что Ваша работа воплощает ту самую тоску Запада, которую и я горько переживал ещё в немецких концлагерях в возрасте двадцати лет, а затем во время долгих скита-

¹⁰ К сожалению, всё на этом и закончится. Узкий кругозор «Центра изучения» в Париже навсегда обескуражит Мальро. Будет сразу же разрушен мост, который мы с Y.L. с таким трудом выстраивали с нашего первого письма к Мальро в 1955 году. Странно, как со всех сторон Мать была окружена общим непониманием того, что значила вся эта история, словно речь шла о каком-то церковном приходе или «ашраме». В Приложении вы публикуем наше первое письмо 1955 года, адресованное Мальро, а также его ответ.

ний по всему миру. И, в той же степени, в которой я не переставал поворачиваться к Вам, отваживаясь и ища с каждым из Ваших персонажей то, что «превосходит» человека, я снова обращаюсь к Вам, потому что, по моему ощущению, Вы лучше, чем кто-нибудь другой, можете понять послание Шри Ауробиндо и, возможно, почерпнуть из него новый импульс. Я также думаю обо всём молодом поколении, которое многого ждёт от Вас: больше, чем идеал чистого героизма, который только открывает дверь (как любая само-сдача) в другое царство человека, которое нам ещё предстоит исследовать, и больше, чем очарования смертью, ибо она является лишь инструментом, а не концом, и её грубой наготе удастся иногда открыть светлую брешь в этой телесной тюрьме, в которой мы словно заточены заживо – так что через эту брешь можно выйти в новое измерение бытия. Но мы слишком часто забываем, что именно «ради жизни» Ваши герои столь неизменно думают о смерти, и мне кажется, что та молодёжь, о которой я говорил, ожидает истины Чена, Катова, Гернандеса, Перкена и Морендо [персонажи романов Мальро], за пределами своей смерти.

Может показаться странным говорить о Вас в индийском Ашраме, кажущемся столь отдалённым от мира и от мучительных проблем и борьбы с «Человеческим Положением», но Ашрам Шри Ауробиндо как раз повернут к этой земной жизни и нацелен на её трансформацию, а не на бегство от неё, как к тому стремятся традиционные религии Индии и Запада, упорно заявляющие, что «Его царство не от мира сего». Зная, что за человеком стоит нечто фундаментальное, религии устремились к этому другому царству, чтобы найти ключ к человеку; так и Ваши герои сконцентрировались на своей смерти, чтобы открыть это фундаментальное нечто, что сможет «устоять» перед лицом смерти. Но религия признала эту жизнь лишь переходом к Потустороннему, являющемуся высшей целью; а Ваши герои – хотя, столь близкие к бьющемуся сердцу жизни, что порой кажется, она вот-вот взорвётся, чтобы раскрыть нам свой жгучий секрет – в конечном счёте, погружаются в смерть, словно освобождаясь от Абсолюта, которым они не могут жить во плоти.

Молодые ученики-индийцы, с которыми я говорю о Ваших книгах, понимают, возможно, лучше западных людей причины всех этих кровавых жертв, кажущихся бесполезными: страдания и протесты Ваших героев, обречённых на смерть, великую Жажду, толкающую их за пределы самих себя; ибо они знают, что все эти конвульсии подобны родовым мукам, и что толстая оболочка эгоизма, обычаев, конформизма, интеллектуальных и чувственных привычек должна быть разрушена, чтобы внутреннее Божественное вышло на поверхность этой жизни – так как Божественное действительно ВНУТРИ человека, и жизнь скрывает в себе собственное оправдание. Вслед за Упанишадами Шри Ауробиндо повторяет нам, что «Земля – Его опора». Он также написал: «Бог присутствует не только в тихом спокойной голосе, но и в огне и вихре».

Думаю, правильно передам чувства своих молодых индийских друзей, сказав, что они видят в персонажах Ваших романов «спонтанных мистиков», используя выражение Клоделя в отношении Рембо. Принимая во внимание атеизм Ваших героев, это может показаться удивительным, но это из-за того, что мы частенько путаем мистицизм или духовность с религией, как подчёркивал Шри Ауробиндо; и совсем не обязательно верить в личностного экстракосмического Бога, чтобы быть мистиком. (И в этом так же причина того, почему религия время от времени позволяла себе сжигать заживо «незаконных» мистиков.) Здесь мы к тому же наталкиваемся на грандиозную путаницу в религиозных основах. Через своих монахов, саньясинов или аскетов религии представили нам мистицизм в чисто созерцательном, строгом облике, лишённом жизни – ибо эти мистики, как и религии, на которые они опираются, живут в отрицании жизни, и с глазами, устремлёнными к Запредельному, они пересекают эту «долину слёз». Но истинный мистицизм не ограничен этим, он стремится трансформировать жизнь, раскрыть скрытый в ней Абсолют; стремится установить «царство Бога в человеке, – как писал Шри Ауробиндо, – а не царство Папы, духовенства или священников». И если современный мир живёт в боли и тоске и разрывается между «бытием» и «становлением», то это следствие того, что религия изгнала Бога из этого мира, отделила его от творения, чтобы отправить его на далёкие небеса или в пустую нирвану, отрицая тем самым всякую возможность человеческого совершенствования на

этой земле и прокладывая непреодолимую пропасть между бытием и становлением, между мистиками, погружёнными в свои грёзы, и этим миром, отданным во власть зла, Сатаны и тех, кто хочет «замарать свои руки».

Это противоречие поразительным образом выражено в Ваших книгах, именно оно потрясает моих индийских учеников; и они удивляются, поскольку желание «делать» что-либо любой ценой, «делать не важно что, но делать что-то», как часто говорят в Европе, без того, чтобы это действие опиралось на «бытие», которое оно выражает и является его простым материальным проявлением, кажется им странным поведением. И отчаяние, молчание или протест, порой напрасная нелепость, отмечающая смерть большого числа Ваших героев, не ускользает от их внимания. Им кажется, что Ваши персонажи скорее убегают от самих себя, чем выражают себя. Этот разрыв между «бытием» и «становлением» можно найти в каждом из них. Они внешне отказались «быть» чем-то, чтобы «делать» что-то, как утверждает один персонаж в «Надежде»; но разве не «бытие» они исступленно ищут в самих своих действиях, это бытие, которое они ухватят только при упразднении времени, в смерти? Кажется, одно и то же наваждение передаётся от одного к другому: от Перкена, стремящегося «оставить свой след на карте», «пережить двадцать поколений», борющегося со временем как борются с раком, до Чена, замкнувшегося в мире террора: «вечный мир, где время больше не существует», и Катова, бормочущего самому себе: «О тюрьма, место, где останавливается время». В этом персонажи прекрасно отражают немощность религии, которая не смогла придать земле ни её смысла, ни её полноты.

По поводу вопроса, поднятого шведской газетой и поставленного многочисленными персонажами Ваших книг, мне видится, что как раз Шри Ауробиндо со своим великим синтезом даёт ключ к примирению, к которому так долго стремились, примирению между «бытием» и «действием», ключа к которому религия не способна дать. «Через нашу Йогу - писал Шри Ауробиндо - мы предлагаем ничуть не меньшее, чем полностью разрушить прошлые и нынешние образования, составляющие обычного ментального и материального человека, и создать новый центр видения, новую вселенную действия в нас самих, которая должна будет сформировать божественное человечество или сверхчеловеческую природу». Речь идёт не об «идее», а об опыте, который надо *прожить*, опыте, который Шри Ауробиндо тщательно разъяснял в своём громадном труде. Это то, что на практике стараются реализовать несколько тысяч мужчин и женщин со всего мира в Ашраме в Пондичери.

В своём ответе шведской прессе Вы подчёркиваете: «Основным противником терпимости является не агностицизм, а манихейство». В этом также причина того, почему религии никогда не смогут объединить человечество, ведь они остаются манихейскими по своей сути, потому что основываются на морали, на представлении о добре и зле, меняющемся от страны к стране. Религии не примирят людей друг с другом, как они не примирили людей с самими собой в их стремлении «быть» с потребностью «делать» - по одной и той же причине, ведь они создали пропасть между идеальным добром, «бытием», удалённым ими на небеса, и злом, «становлением», раздирающим этот мир, где «всё тщетно». Я хотел бы процитировать здесь отрывок из «*Эссе о Гите*» Шри Ауробиндо, проливающий свет на эту проблему: «Перекаладывать ответственность за всё то, что кажется нам злым или ужасным, на плечи полумогущественного Дьявола, или отодвигать всё как часть Природы, создавая тем самым непреодолимое противоречие между природой мира и Природой Бога, словно Природа независима от Бога, или возлагать всю ответственность на человека и его грехи, словно у него был решающий голос при сотворении этого мира или же он мог бы создать что-либо против воли Бога, - всё это неуклюжие уловки... Мы должны смело взглянуть реальности в лицо и увидеть, что это именно Бог, и никто иной сотворил этот мир в своём бытии и сотворил его именно так. Мы должны увидеть, что Природа, пожирающая своих детей, Время, насыщающееся жизнью творений, универсальная и неизбежная Смерть, а также насилие сил Рудры в человеке и Природе – это тоже всевышнее Божество в одном из своих космических образов. Мы должны увидеть, что Бог как добрый и щедрый создатель, Бог, как помогающий, сильный и милостивый спаситель, является также Богом-

поглотителем и разрушителем. Муки ложа боли и зла, на котором мы терзаемы, исходят от его касания также как счастье, сладость и удовольствие. Только когда мы взглянем глазами полного единения и почувствуем эту истину в глубинах нашего существа, только тогда мы сможем полностью раскрыть за этой маской спокойное и прекрасное лицо всеблаженного Божества, а в Его касании, испытывающем наше несовершенство – прикосновение друга и строителя духа в человеке. Разногласия в этом мире – это разногласия Бога, и только путём принятия и прохождения через них сможем мы достичь больших согласий в его всевышней гармонии». Мне кажется, что персонажи Ваших книг не стремились бы столь настойчиво к жертвоприношению и смерти, если бы они не чувствовали этот лик света и радости за маской тени, в которую они столь страстно погружаются.

Шри Ауробиндо постоянно подчёркивал, что в своих эволюционных циклах человечество должно превзойти чисто этическую и религиозную стадию, как оно должно превзойти инфрарациональную и рациональную стадию, чтобы открыться новому «духовному и супрарациональному веку» – иначе мы будем обречены на страдания, противоречия и кровавые жертвы, сотрясающие нашу эпоху, «ибо жить согласно морали – всегда драма», как констатировал один из персонажей «Надежды».

Трагедии, которые мы переживаем – коммунизм, нацизм – обусловлены не слабостью или исчезновением религии, что подразумевается в вопросе шведской газеты; это сама религия ведёт к нарушению равновесия, камня в своих догмах, хватаясь за власть, которую она имеет в человеческом цикле, подходящем к своему концу, и отказываясь открыться «новому глубокому представлению о человеке», которое наконец-то примиряет небо и землю. В результате люди отправляются искать в чём угодно то, что не может дать им религия: в коммунизме или в любом другом «изме», столь велика и настоятельна их жажда Абсолюта – ибо *это* пребывает под тем или иным именем, и сама эта жажда является самым несомненным знаком грядущей полноты.

В этот переломный момент человеческой эволюции Шри Ауробиндо даёт нам светлое послание, к которому я хотел бы привлечь Ваше внимание этим письмом и книгой, которую позволил себе Вам отправить. Мне кажется, что молодёжь Европы имеет большую потребность услышать мощный голос, который возвысится, чтобы поставить их перед фундаментальными истинами, и никто лучше Вас не сможет затронуть эту молодёжь, пробудить тоскующий Запад.

Я глубоко надеюсь, мсье, что работа Шри Ауробиндо послужит для Вас источником нового вдохновения, заверяю Вас в моих самых лучших и искренних чувствах.

Бернар Е.

*
* *

(Ответ Андре Мальро)

10 августа 1955

Ваше письмо живо меня заинтересовало. Я знаком – относительно, конечно – с работами Шри Ауробиндо (с которым когда-то мне выпал случай встретиться, без того, чтобы мы говорили друг с другом...); но мне не известна книга, которую Вы любезно мне послали, и я приму её с удовольствием.

Я согласен – как Вы видели – с Вашими общими положениями. Но сам текст, о котором идёт речь (ответы на вопросы) был ограничен по сути.

Благодарю Вас, примите мои самые искренние заверения, мсье, искренне Ваш.

Андре Мальро

U

29 марта 1972

(После упоминания о Мальро беседа приняла совсем другой оборот, и поэтому мы публикуем эту часть отдельно, хотя и под той же датой.)

Мне кажется, я должна была кое-что тебе дать...
Тебе передали *tape-recording* [кассету]?... Там то, что я рассказала Р и Суджате.
Это хорошо?

Да-да, милая Мать, это хорошо! Может быть, мы смогли бы это опубликовать? Это о видении, которое было связано с твоим переходным телом.

Я хотела только убедиться, что ты получил¹¹.

Да, милая Мать, это очень интересно... Ты не видела ничего нового после этого видения нового тела?

Нет. Это совершенно новое для меня – такое в первый раз и, кажется, в последний.

(молчание)

Моё тело просило... (ведь оно находится в постоянном состоянии стремления), оно просило... Оно чувствует (но я не знаю, как объяснить), оно чувствует повсеместное Присутствие Божественного, то есть во всех вещах, везде, всё время, словно оно одновременно окутано и пронизано им – и оно просило чего-то ещё более конкретного. И тогда словно Сознание ответило мне, что ему не даётся более полное восприятие, потому что у тела ещё есть ощущение желания... (как сказать) растаять в Божественном, и тогда клетки бы... (*жест взрыва*). Так что тело потеряло бы форму.

Ах! да!

Нечто такое, ты понимаешь?

И я чувствовала, что это верно. Я чувствовала.

Ведь, к примеру, трудности с питанием ещё большие – уже давно у тела нет никакого удовольствия от еды, а теперь это стало действительно трудным; что же, всё клеточное осознание божественного Присутствия усугубляет это [отказ от питания]. Иными словами, все внешние средства – питание и всё такое – кажутся ему такими надоевшими! Несомненно, следующее творение идет к чему-то иному, другому средству поддержания жизни, а мы не знаем ещё, какому. У меня какое-то ощущение, что есть питание – промежуточное питание – которое уже не такое, как старое питание, но ещё и не... (*прямое поглощение энергии*), оно имеет минимум материальной основы. И мы не знакомы с этим, неизвестно, что это, никто не знает, у нас нет опыта; так что надо найти это – но как найти это?

Нет никого, кто бы знал, кто мог бы сказать, делать то или это. Я не знаю.

Единственное, с чем мы знакомы, это глюкоза.

Да.

Как раз её дают тем, кто не может питаться обычным образом.

¹¹ На самом деле мы получили только запись, сделанную Суджатой, и ничего другого.

Да, доктор об этом и говорил мне; он рекомендовал мне принимать глюкозу. Но... Я её принимаю, но насколько этого достаточно?

(молчание)

Как глюкоза поступает в кровь?

Я думаю, что она усваивается напрямую.

Но что значит напрямую? Ведь надо глотать.

Ах! да, надо глотать!

Но как...

Она поступает в желудок, и через стенки кишечника всасывается в кровь¹².

А! вот как. Не проходит через почки?

А! но как же, милая Мать, непременно. После попадания в кровь, растворимые отходы выводятся через почки.

Ах!

Всегда, да.

Но глюкоза сама по себе не превращается в кровь?

Нет, я думаю, что стенки кишечника её впитывают, и при всасывании через стенки происходят нужные реакции – я так думаю (!)

А! вот как.

Думаю да, милая Мать.

Из подобных вещей известна только глюкоза?

Да, в такой жидкой форме. Глюкоза или совершенно чистые фруктовые соки – это почти одно и то же.

Но я принимаю почти только это: глюкозу и фруктовый сок.

Но многие – по крайней мере, немалое число – йоги умели напрямую поглощать энергии, милая Мать, не принимая пищу. Из прошлого тянется немало таких рассказов.

Не знаю, правда ли это.

Ты не знаешь, верно ли это?... Во всяком случае, об этом много говорится, и часто упоминается.

Шри Ауробиндо говорил мне только, что люди всегда слишком много едят. Это его опыт. Ты знаешь, однажды он провёл без еды сорок дней. Я сама тоже обходилась без еды (не пом-

¹² Ученик не претендует ни на какую научную точность.

ню, сколько раз), но у меня было переживание, что я питаюсь напрямую¹³, это проходило вот так, насквозь (*жест – через поры кожи*).

А ты могла бы сейчас возобновить нечто подобное? – Через дыхание.

Но я ужасно похудела, не так ли, это доказывает, что я не достаточно питалась, я питалась своим телом.

А сейчас я не похудела, нет?... Я не знаю, я не вижу.

С каких пор?

С того времени, когда я, так сказать, заболела.

Нет, с того времени нет.

Нет?

Нет, я не нахожу.

Несколько дней я ничего не ела – почти не ела.

Нет, я не вижу изменений. Хотя, конечно, от твоего тела осталось так мало! (смех)

Я очень худая! – Я не вижу, конечно.

Но я не выгляжу более худой, чем обычно?

Нет, не выглядишь, милая Мать. Но трудно было бы стать ещё тоньше!

Если будет что-то новое, я скажу тебе ... У нас сегодня среда? Если будет что-то, она [Суджата] сможет тебе передать, она может просто войти, и я скажу ей, есть ли что-то новое.

Да, милая Мать, Суджата как раз думала по поводу этих посещений: она боится навязывать тебе своё присутствие или мешать.

Нет, она мне не мешает! Я дам ей цветок, и затем она уйдёт, если у меня не будет, что ей сказать. Лучше вот так; тогда каждый день она будет знать, нужно ли что-то передать тебе.

Да, милая Мать, каждый день – но у неё было ощущение, что она... навязывается тебе!

Нет, совсем нет! Это не так. Я была измождена людьми, и была вынуждена закончить приём, но это касалось, главным образом, *birthdays* [дней рождений], подобного этому. Но она может приходить и приносить мне свои цветы, брать цветы у меня, и тогда, если у меня будет, что сказать, я ей скажу, а иначе она сразу же будет уходить. Так пойдёт?

*(Суджата тихонько:
«Главным образом, я думаю о Матери.»)*

Суджата говорит, что для неё – вопрос в том, подойдёт ли это тебе.

Что касается меня, всё в порядке. Это меня не утомляет.

Она немного... Я не знаю, у неё нелегко на сердце¹⁴.

¹³ Мать даже говорила нам, что запах цветов был «питательным». См. *Агенда*, том 6, 27 ноября 1965.

Почему?

Как раз по этой причине.

О, нет! Подойди, моя малышка! О нет, вовсе нет.

(Суджата подходит к Матери)

Ты знаешь... ты видишь, сознание очень ясное, яснее, чем когда-либо, но я не могу говорить – надо что-то найти. Поэтому не могу тебе рассказывать, но я всегда рада тебя видеть. В эти дни я ничего не говорила, потому «говорить» означает «объяснять»... Но я всегда рада, я думаю о тебе очень-очень-очень-очень часто – ты понимаешь?... Ты понимаешь?

Не видно, что ты понимаешь.

(Суджата:) Да, милая Мать, понимаю.

Во всяком случае, знай одно: я говорю правду. Если я говорю тебе, что рада тебя видеть, значит, я рада тебя видеть. Это ты понимаешь.

Да, Мать.

Что с тобой, крошка? Тебя огорчили, кто-то огорчил тебя?

Сильно огорчили, милая Мать.

Чем же, моя крошка? Тебе что-то сказали?

Нет, Мать, мне просто сказали, что ты видишься со мной слишком часто, поэтому... и что ты не хочешь меня видеть¹⁵.

Но это неправда! Я никому не говорила такого.

Нет, Мать, каждый раз я вижу, что имя «Суджата» просто вычеркнуто [из списка посетителей], из чего я заключаю, что у тебя нет времени или желания увидеться с Суджатой. Именно поэтому Суджата и начала сторониться.

Кто это сказал?

Никто: это я тебе говорю, я вижу, как это происходит.

Но это неправда!

Отнюдь, Мать, каждый раз выходит вот так.

¹⁴ В действительности Суджата начала наталкиваться на невидимую стену из тех, кто окружал Мать и считал, что она слишком часто встречается с Суджатой. Ясно то, что Мать чувствовала потребность в ежедневном общении с Сатпремом. Следующий эпизод имел нечто такое трогательное, словно Мать уже чувствовала, что контакт будет оборван. Мы видим только прелюдию.

¹⁵ Вот точные слова помощницы Матери, о которой нам ещё придётся говорить в дальнейшем. Мать часто спрашивала: «Где Суджата? где Суджата?» и неизменно получала ответ: «Её ещё нет». На самом деле, мы сейчас понимаем, что Мать хотела бы, чтобы Суджата стала её помощницей после ухода Васудхи, но она никогда не просила об этом, потому что знала о важности её работы с нами. Сложись всё по-другому, и весь ход событий изменился бы.

Это неправда. Неправда, что я не хотела бы тебя видеть – это неправда. Я не понимаю. Я ничего не делала для этого.

Во всяком случае, фактически, это так. По любому случаю имя «Суджата» вычеркивается. И я понимаю, что у тебя нет времени или ты не хочешь или не склонна...

Но это неправда! это неправда, моя крошка! В эти последние дни я прекратила всё, потому что была вынуждена, но сколько раз я думала, что было бы хорошо, если бы ты пришла. Только... ты видишь, как мне трудно говорить. Так что...

Послушай, что я тебе скажу – ты будешь делать, что я скажу? Приходи ко мне каждый день. Приходи ко мне каждый день как прежде. Если мне нечего тебе сказать, я буду давать тебе цветы; если у меня будет, что передать Сатпрему, я скажу об этом. Но приходи, просто приходи.

Время будет примерно тем же, что и раньше. После кого ты приходила?

Я приходила после R.

Что же, приходи после R, хорошо. Мы устроим так: ты приходишь каждый день после R. У меня даже есть для тебя кое-какие практические дела: иногда я просматриваю шкафы, и натываюсь на вещи, которые хочу отдать тебе и объяснить; и я думаю: мне надо видиться с тобой каждый день.

Если тебе такое подходит, приходи каждый день после R; тогда, если у меня есть, что тебе сказать, я скажу; если мне нечего тебе сказать, я буду давать тебе цветы, но никогда-никогда не думай, что я не хочу тебя увидеть, это неправда – это БОЛЬШАЯ ложь, это неправда. Это большая ложь.

Ты знаешь, единственное, в чём я хочу тебя уверить: я говорю в точности то, что есть. Я могу говорить плохо, но я говорю точно то, что истинно. Я уже говорю не очень хорошо, мне трудно, но сознание ясное; так что я говорю тебе: я хочу видиться с тобой каждый день. Ты поняла?

Да, милая Мать.

Хорошо.

*(Суджата возвращается на своё место,
подходит Сатпрем)*

Вот так, мне трудно говорить: сразу же... *(Мать переводит дыхание)*. Очевидно, там что-то происходит *(Мать касается своей груди)*.

Но сознание более чистое и более сильное, чем КОГДА-ЛИБО. И я замечаю, что люди думают, что я совсем одряхла, потому что не могу больше говорить. А сознание более ясное и более сильное.

Чувствуется, что оно более сильное. Хорошо чувствуется.

(после молчания)

Самая большая трудность вот в чём: если бы кто-нибудь мог сказать мне, что мне нужно принимать... Но я должна заметить, что глюкозу я пью легче всего – так что, я буду больше её принимать, вот и всё.

Я думаю, что это единственное физическое, материальное средство, потому что люди могут месяцами лежать в больницах и принимать только глюкозу (обычно внутривенно). Что же, ты можешь питаться этим сколь угодно долго, милая Мать.

Это хорошо, тогда хорошо¹⁶.

Так что до субботы; если у меня что то будет, я передам через Суджату.

U

30 марта 1972

(Беседа с R., американской ученицей, затем с Суджатой)

Поскольку мы оставили все условности, то каждый сразу же думает: «А! хорошенькое местечко для удовлетворения своих желаний». И почти все приходят с этим намерением.

И поскольку я создала родильный дом для детей тех, кого я была вынуждена отправить из Ашрама, чтобы им было, где родить, то люди думают, что родильный дом создан для незаконнорожденных детей!

Я не обращаю внимания на законность, я не считаюсь с законами и условностями, но я хочу именно более божественной, а не животной жизни.

И некоторые из них вольно обращаются со свободой, они используют свободу для удовлетворения своих желаний. Они предаются всему тому, над искоренением чего мы работали всю жизнь: распущенности. Весьма отвратительно.

Мы здесь для того, чтобы оставить все желания и повернуться к Божественному и стать сознать Божественное¹⁷. Воплощать и проявлять Божественное в нашей жизни – таков наш путь, а не становиться животными и жить как кошки и собаки.

Затем входит Суджата.

Как бы мне хотелось быть в состоянии пойти ко всем ним и сказать им в лицо, что они неправы, что это не путь. Но я думаю, что настало время написать это.

Если я говорю, что я не за старые условности, то это не значит, что мы можем жить как животные.

Но, милая Мать, твоя сила сейчас чрезвычайно активна, ты знаешь.

Да, я знаю. Я знаю: когда я вот так, я всё время вижу Силу – и это не «моя» сила: это Божественная Сила. Я пытаюсь; я пытаюсь быть вот так (*жест: как канал*). Это тело пытается быть просто... просто передатчиком, насколько можно прозрачным, насколько можно безличностным. Чтобы Божественный мог делать то, что Он хочет.

¹⁶ Матери так и не позволяют провести свой опыт. Спустя несколько дней после ухода Матери Пранаб, «телохрани- тель» Матери, искренне заявил собравшимся ученикам: «По мнению д-ра Саньяла, мы должны были давать ей от 20 до 25 унций [550-700 г] пищи каждый день. Еда состояла из следующего: немного овощного супа, молоко с протеиновыми добавками, паста из миндаля, грибов, или артишока, нечто подобного, и немного фруктового сока в конце... Все, кто были во дворе внизу [под комнатой Матери], должно быть, слышали, как мы боролись с Ней, чтобы заставить Её немного поесть». Это борьба из-за питания (не говоря о другом) создавала острый конфликт в теле Матери, так что она разрывалась между двумя внушениями: «Если ты не будешь есть, то умрешь» и напором Переживания.

[Существует запись этой беседы].

¹⁷ Позже Мать добавила следующее: «Божественный, которого мы ищем, находится не где-то далеко или за пределами достижимого: Он лежит в самом ядре Его творения и ждёт от нас того, чтобы мы нашли Его, и через личную трансформацию стали бы способными познавать Его, объединиться с Ним, и, наконец, проявлять Его сознательно. Этому мы должны посвятить себя, в этом наш настоящий смысл жизни. И первый шаг к этой тонкой реализации – проявление супраментального сознания».

(молчание)

Это стало очень прозрачным. Ведь как только что-то ставится перед тобой, действие происходит сразу же.

(молчание)

Вчера исполнилось пятьдесят восемь лет с тех пор, как я приехала сюда в первый раз. В течение пятидесяти восьми лет я работала РАДИ ЭТОГО, чтобы тело стало насколько можно более прозрачным и нематериальным, то есть, не было бы препятствием нисходящей Силе.

Сейчас – сейчас это тело, само тело хочет этого всеми его клетками. Это его единственный смысл жизни.

Стараться, стараться реализовать на земле элемент, который был бы совершенно прозрачным, проницаемым, и позволил бы Силе действовать, не искажая это действие.

(молчание)

До свидания. Передай это Сатпрему. Сатпрем скажет, что можно сделать из всего этого.

U